

Русский пациент

Один известный практикующий раб на галерах назвал распад Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой XX века. На мой взгляд, распад этот вызвал прежде всего крупнейшую психиатрическую катастрофу в головах людей, скромно называющих себя российской политической элитой, включая и означенного страстотерпца. Если есть сегодня какая-то одна сверхидея, объединяющая ушибленных катастрофой персонажей, то это «доминирование на постсоветском пространстве», создание «зоны привилегированных интересов», восстановление в том или ином качестве ордынско-российско-советской империи.

Постимперские мессианские комплексы всегда были характерны для российского политического класса. Но запредельные дозы крымнашистского наркотика, безумные глюки Русского мира и «Новороссии» резко обострили

состояние Русского пациента.

Запредельные дозы крымнашистского наркотика, безумные глюки Русского мира и «Новороссии» резко обострили состояние Русского пациента

В опубликованном недавно докладе Совета по внешней и оборонной политике «Стратегия для России» Федор Лукьянов и его коллеги горделиво докладывают *urbī et orbī* и прежде всего самим себе, что им «удалось частично остановить и даже, возможно, повернуть вспять распад постсоветского и исторического российского имперского пространства». Во как распоясались — уже не какие-то там «зоны влияния», а прямо так, по-нашему, по-риббентроповски: российское историческое имперское пространство, выходящее, заметьте, даже за пределы постсоветского.

Россия не будет «доминировать» на постсоветском пространстве и не восстановит никакой «империи». И не потому, что на этом пространстве появляются новые игроки, обладающие большими ресурсами. В создании империй ресурсы далеко не самое главное.

Российская империя распадалась дважды. Первый раз в 1917 году. Перезахороненный несколько лет назад с почестями на родине Антон Иванович Деникин и вместе с ним большинство русских образованных людей того времени переживали этот распад как национальную катастрофу. Они совершенно искренне считали Украину частью Большой России. И не только Украину, но и Кавказ, и Прибалтику, а возможно, и Финляндию с Польшей. Не случайно центральный лозунг белого движения был таким: «За единую и неделимую Россию!» Верность этой идее не позволяла белым даже ради победы над большевиками идти на компромиссы с национальными движениями на территории бывшей Российской империи. Эта позиция заслуживает уважения. У нее был только один недостаток: она не поддерживалась ни украинцами, ни кавказцами, ни прибалтами, вообще ни одним из нерусских народов России. В лучшем случае кто-то мог с ней смириться. Но увлечь, тем более заставить за себя сражаться и умирать идея Великой России никого из них просто не могла. Это элементарная истина, но на осознание ее у «титულных» наций бывших империй уходят обычно десятилетия.

Непонимание ее было одной из главных причин поражения белого движения. Победили красные, обещавшие всем все и вступавшие в любые тактические союзы. Одолев Деникина и других белых генералов, большевики довольно быстро реализовали их программу «единой и неделимой», восстановив почти целиком Российскую империю. Как же произошло это чудо и почему оно не произойдет сегодня?

Да потому, что Ленин и его товарищи никому из народов бывшей империи не пытались навязывать абсолютно чуждую для тех идею Великой России. Красная армия несла им на своих штыках (а ее комиссары — в своей пропаганде) вдохновляющую коммунистическую идею социальной

справедливости и освобождения угнетенных трудящихся. Неважно, что идея эта оказалась ложной, а ее реализация преступной. Это выяснилось позднее. А тогда она увлекала миллионы людей независимо от их национальности и играла роль самой настоящей новой религии.

Прав был гениальный Андрей Амальрик, еще в конце 1960-х предсказавший распад Советского Союза, когда утверждал: «Как принятие христианства продлило на 300 лет существование Римской империи, так и принятие коммунизма продлило на несколько десятилетий существование Российской империи». СССР мог распасться немного раньше, немного позже, по тому или по другому сценарию (например, по югославскому), но когда коммунистическая религия умерла в душах сначала своих жрецов, а потом и паствы, советская теократическая империя была обречена.

А что сегодняшняя российская «элита», страдающая фантомными имперскими болями, может предложить бывшим собратьям по строительству платоновского котлована? Ничего, кроме помпезных разговоров о своем величии, о мессианском имперском предназначении русского этноса, о сакральном Херсонесе. Но это никому, кроме нас самих, русских, неинтересно. Максимум, на что некоторые соседи готовы, — снисходительно выслушивать эти фантазмы за крупное финансовое вознаграждение.

***Что сегодняшняя российская «элита»,
страдающая фантомными имперскими
болями, может предложить бывшим
собратьям по строительству
платоновского котлована?***

Вороватая и бездарная, чванливая и трусливая, мечущаяся между Куршевелем и Лефортовым, российская политическая «элита» никак не может понять, что никому она не нужна на постсоветском пространстве в качестве учителя жизни и центра притяжения. Не потому, что американка гадит. А

потому, что путинская Россия ни для кого не может быть привлекательной — ни для миллионов украинцев, жаждавших избавиться от собственных бандитов во власти, ни для донецких уголовников, которым не нужен альфа-пахан в Кремле. Ну, может быть, нашлись бы на постсоветском пространстве какие-нибудь социально близкие братья по разуму, если бы хрипящая от ненависти к Западу российская «элита» предложила бы им последовательный Большой Антизападный Идеологический Проект. Но всем известно, где эти «новые дворяне» встающей с колен великой державы хранят свои сокровища, отдыхают, лечатся, рожают наследников и платят за их образование.

Поразительная глухота «элиты» к возможной реакции соседей, духовная лень и имперская спесь, не позволяющие попытаться взглянуть на себя их глазами, — все это порождает цикл отчуждения и вражды на всем постсоветском пространстве. Еще в 1997 году все эти фантомные державные комплексы были артикулированы в печально известном документе «СНГ: начало или конец истории». С тех пор рекомендации этого опуса красной нитью проходят через бесконечные публикации «экспертов» по ближнему зарубежью и воплощаются в реальную политику Кремля на постсоветском пространстве:

Украина: «Принуждение Украины к дружбе, в противном случае — постепенное установление экономической блокады по образцу блокады Кубы со стороны США».

Закавказье: «Только угроза серьезной дестабилизации Грузии и Азербайджана, подкреплённая демонстрацией решимости России идти до конца по этому пути, может предотвратить окончательное вытеснение России из Закавказья».

«Принуждение к дружбе», этот великолепный оруэлловский оксюморон, — беспощадный самодиагноз психического состояния российского политического класса. Принуждение к любви во всех правовых системах рассматривается как исключительно тяжкое деяние, влекущее за собой серьезную ответственность. В обыденных человеческих отношениях принуждение к дружбе гарантированно оказывается приглашением к ненависти. Почему же столь очевидная глупость выдается за образец государственной мудрости, когда речь идет не об отношениях между людьми, а об отношениях между народами? В сегодняшнем конфликте с Украиной принудители к дружбе, путины-прилепины, исторически обречены на жалкую

роль насильников-импотентов.

В сегодняшнем конфликте с Украиной принудители к дружбе исторически обречены на жалкую роль насильников- импотентов

Другие центры притяжения оказываются сегодня гораздо более привлекательными для наших бывших братьев меньших. Украина, Молдавия, Грузия видят свое будущее в европейском экономическом и политическом пространстве. Рванул бы туда и циничный харизматический батька, но хорошо понимает, что ему-то лично во всей Большой Европе светит только Гаага. Ханства Средней Азии постепенно становятся ближним зарубежьем набирающего экономическую мощь Китая. Мы своими руками создали там замечательный механизм — Шанхайскую организацию сотрудничества — по рейдерскому поглощению этого пространства Поднебесной империей.

Сегодня российский политический класс испытывает жесточайшую геопсихологическую ломку, гораздо более острую, чем в 1991 году. Тогда все казалось временным, а сегодня стало очевидным, что — навсегда. Мы просто не заметили, как, отчаянно пытаюсь собрать хоть каких-нибудь вассалов в «нашем ближнем зарубежье», сами превращаемся в ближнее зарубежье Китая.

Ли Юаньчао на встрече с Владимиром Путиным

Вот и доклад СВОП полон бесконечного заискивающего помахивания хвостиком перед Срединной империей, жалкого, упорного и бесплодного самонавязывания в стратегические союзники. Вообще все российское евразийство выполняет для российской «элиты» роль психологической прокладки в критические дни ее отношений с Западом. Все эти мотивы великолепно артикулированы в знаменитом блоковском стихотворении. Страстное объяснение в любви к Европе при малейшем сомнении во взаимности сменяется угрожающим «а если нет, нам нечего терять, и нам доступно вероломство... мы обернемся к вам своею азиатской рожей». Эти обороты необходимы российской «элите» для выяснения отношений с вечно ненавидимым и вечно любимым Западом. Не к случайному собутыльнику, а к небесам Запада обращен экзистенциальный русский вопрос: «А ты меня уважаешь?»

Нет ответа.

В Китае, кстати, все это прекрасно понимают и поэтому относятся к

российским спорадическим заигрываниям скептически и с неизбежной дозой снисходительного и высокомерного презрения. Выстраивая свою внешнюю политику, Пекин будет руководствоваться чем угодно, но только не комплексами российских политиков, мечтающих воскликнуть: «Нас с Великим Китаем — полтора миллиарда человек» — и погрозить сухоньким кулачком Америке из китайского обоза. Но, похоже, не очень-то и берут в этот обоз кремлевских нефтегазотрейдеров.

Президент Путин на приеме в честь высших офицеров в Кремле

Люди, близкие к российско-китайским переговорам и дискуссиям, в один голос повторяют в последнее время, что китайцы все меньше утруждают себя необходимостью притворяться и что-либо изображать. Они относятся к заискивающей перед ними российской клептократии с откровенным презрением и не стесняются выразить это чувство публично.

Санкт-Петербургский экономический форум занимает особое место в системе российско-китайских отношений XXI века, место китайского сакрального Херсонеса, если хотите. Правители Китая уже не считают нужным скрывать духоподъемную историческую перспективу этих отношений от своих навязчивых партнеров. Ведь именно в банкетном зале Санкт-Петербургского

форума второй человек в Поднебесной товарищ Ли Юаньчао еще 24 мая 2014 года, обращаясь непосредственно к самой выдающейся посредственности российского политического класса, заявил: «Земля ваша велика и обильна. Порядка только на ней нет. Придут трудолюбивые китайцы и установят свой Порядок Неба».

Андрей Пионтковский, Радио Свобода
публикуется в сокращении